

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В ПРИГРАНИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2000-е – НАЧАЛЕ 2010-х гг.

М.В. Данилович (Минск)

Одним из феноменов влияния на политику Китайской Народной Республики (КНР) в Центральной Азии является специфика восприятия Китая жителями региона. Центральноазиатские эксперты неоднократно отмечали исторически враждебный образ китайцев в коллективной памяти народов региона. Это также подтверждают примеры из народного фольклора как свидетельства коллективной исторической памяти народов региона. С конца 1990-х гг. исторический образ Китая был положен в основу концепции «китайской угрозы» («угрозы с Востока»). По мере активизации отношений Китая с государствами Центральной Азии подобное восприятие усилилось в контексте миграции из КНР – в частности, миграции в приграничные государства региона.

Целью доклада является установление особенностей китайской миграции в регионе с начала 2000-х гг. В задачи включены факторный, количественный и качественный анализ миграционных процессов в отношении Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

В 2000-е гг. в КНР наблюдался дальнейший рост избытка трудовых ресурсов. Согласно демографическим данным, цитируемым Е.Ю. Садовской, с 2000 г. ежегодно около 12 миллионов китайских граждан вступали в трудоспособный возраст, однако среднее число новых рабочих мест не превышало 10 миллионов в год [7, р. 150]. Тенденция переезда ханьцев (этнических китайцев) из внутренних районов на северо-запад страны, в свою очередь, стимулировали внешнюю миграцию в Центральную Азию.

В случае с *Казахстаном* китайская миграция была обусловлена двумя факторами – репатриацией этнических казахов (оралманов) и ханьской трудовой миграцией. Согласно официальной китайской статистике, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР казахи традиционно составляли третью по численности этническую группу. В 2001 г. на территории Синьцзяна проживали 1,3 млн. казахов, в 2009 г. – 1,5 млн. (7% местного населения). Статистика также свидетельствует о более низких темпах прироста казахского населения в сравнении с ханьским и уйгурским, что может указывать на переезд части «китайских» казахов в Казахстан [5, с. 88, 92]. Последнее подтверждается и данными казахстанской стороны: около 95% выходцев из КНР, получивших гражданство (вид на жительство) в Казахстане в 2000-е гг., составляли этнические казахи. Однако, как отмечала Е.Ю. Садовская, для оралманов из Синьцзяна сохранялась проблема адаптации в условиях использования ими арабского письма и сохранения

привычек и традиций проживания в Китае, что вызывало напряженность в казахстанском обществе [7, p. 159].

С другой стороны, негативное отношение в Казахстане к ханьцам, приезжавшим в страну в качестве трудовых мигрантов, вызывало проявления алармистских настроений в местной прессе по поводу «экспансии Китая» [7, p. 159, 167]. Расширение трудовой миграции из КНР происходило после 2003 г. по мере развития казахстанской экономики. Исследователи отмечают отсутствие точной информации о китайской миграции в Казахстане в 2000-е гг., объясняя это как проблемами официального статистического учета, так и незаинтересованностью крупного бизнеса в достоверной подаче данных [6, с. 129]. Центрами притяжения рабочей силы стали торговые и производственные предприятия с китайским капиталом, оптовые рынки в г. Алматы, в Алматинской и Восточно-Казахстанской областях, строительные объекты в г. Астана, а также места добычи нефти и газа (Западный и Центральный регионы). Согласно официальной казахстанской статистике, после мирового финансово-экономического кризиса трудовая миграция из Китая сохранила третью позицию по количеству прибывших в страну (в среднем 4 тысячи китайских мигрантов в год), уступая лишь Узбекистану и России [2, с. 591].

Схожая ситуация наблюдалась в *Кыргызстане*. Мигранты из КНР (преимущественно ханьцы) были заняты, в первую очередь, в сфере рыночной торговли. Они были широко представлены на крупнейшем рынке «Дордой – Джунхай» в г. Бишкеке, а также на крупном оптовом рынке «Карасу» на границе с Узбекистаном [8, p. 91]. По мере расширения двусторонних отношений, новой тенденцией с конца 2000-х гг. становилось присутствие рабочих-ханьцев на горнодобывающих объектах и объектах по строительству дорожной инфраструктуры. Однако официальные данные кыргызстанских государственных структур и экспертные оценки имеют ощутимые несоответствия. По подсчетам центральноазиатских экспертов, в Кыргызстане к началу 2010-х гг. проживали 60 – 100 тысяч граждан КНР. Согласно информации, полученной из Департамента миграции МИД Кыргызской Республики, официальная квота китайских граждан в стране в это время не превышала 2 тысяч человек.

В Таджикистане, согласно данным государственной статистики, численность прибывших из КНР лиц резко возросла во второй половине 2000-х гг. В условиях окончательного урегулирования вопросов китайско-таджикской границы здесь наблюдалась резкая активизация участия КНР в проектах по строительству объектов дорожной инфраструктуры и энергетического комплекса. Количество ханьцев, получивших местное гражданство, увеличилось с 24 (2000 г.) до 801 человек в 2010 г. [4, с. 9, 20]. Максимальная цифра присутствия китайских граждан, озвученная таджикскими аналитиками, составляла 30 тысяч человек в 2008 г. [3, с. 20]. Согласно данным посольства Таджикистана в КНР, в 2013 г. в стране находились более 5 тысяч китайских рабочих [1, с. 93]. Однако точные оценки китайской миграции также затруднены. С учётом проблемы трудовой

занятости населения Таджикистана и Кыргызстана китайская миграция может вызывать протесты местного населения, что подтверждают локальные акции недовольства в данных государствах в начале 2010-х гг., а также использование местной оппозицией в открытых политических дискуссиях факта беспрецедентного расширения китайского присутствия в регионе.

В целом, доступная статистика и имеющиеся экспертные исследования свидетельствуют о том, что процесс китайской миграции в приграничные государства Центральной Азии обусловлен, с одной стороны, избытком трудовых ресурсов в КНР и, с другой стороны, развитием торгово-экономических отношений Китая с государствами региона. Закрепляя негативное восприятие ханьцев местным населением, китайская миграция с начала 2000-х гг. носила здесь латентный характер. В силу этого, её влияние на политику КНР в регионе в рассматриваемый период существенно не проявлялось. Однако в случае дальнейшей интенсификации китайская миграция в приграничные страны региона может вызвать массовые недовольства населения и быть использована политическими элитами и представителями радикальных движений во властном контрдискурсе данных государств.

1. Алимов, Р. Экономические отношения Таджикистана и Китая / Р. Алимов // Обозреватель. – 2013. – № 8. – С. 91–100.
2. Демографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / Агентство Респ. Казахстан по статистике. – Астана: Статистика Респ. Казахстан, 2012. – 608 с.
3. Касенова, Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану / Н. Касенова. – Париж: Центр Россия/ННГ, 2009. – 31 с.
4. Перепись населения и жилищного фонда населения Республики Таджикистан 2010 г.: в 5 т. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Респ. Таджикистан, 2010. – Т. 3: Национальный состав, владение языками и гражданский состав населения. – 537 с.
5. Синьцзян тунцзи няньцзянь (Статистический ежегодник Синьцзяна) / Синьцзян Вэйуэр цзичжицю цюбянь (Статистическое бюро СУАР). – Бэйцзин: Чжунго тунцзи чубаньшэ (Пекин: Статистика Китая), 2010. – 858 с.
6. Сыроежкин, К.Л. Китайское присутствие в Казахстане: мифы и реальность / К.Л. Сыроежкин // Центр. Азия и Кавказ. – 2011. – № 1. – С. 115 – 129.
7. Sadovskaya, E. Chinese migration to Kazakhstan: a silk road for cooperation or a thorny road of prejudice? / E. Sadovskaya // China a. Eurasia Forum Quart. – 2007. – Vol. 5, iss. 4. – P. 147 – 170.
8. Zhaparov, A. The issue of Chinese migrants in Kyrgyzstan / A. Zhaparov // The China a. Eurasia Forum Quart. – 2009. – Vol. 7, iss. 1. – P. 79 – 91.